

ОТ РЕДАКТОРА

Второй том Хрестоматии дополняет первый и включает следующие темы: *Двуязычие, переключение кодов, Неравенство в межличностном общении, Язык и власть: критический анализ дискурса и Язык и идеология: тоталитарный язык*. Как и первый (см.: Социалингвистика 2012), второй том Хрестоматии сопровождает учебник (Вахтин, Головкин 2004). Здесь представлены и классические, и более новые работы. При отборе статей для публикации учитывалась прежде всего их цитируемость в современной социалингвистической литературе. Так, например, несмотря на то что статья Джона Гамперца была опубликована более 30 лет назад, до сего дня практически нет работ о переключении кодов, которые не содержали бы ссылок на нее. Статья Монники Хеллер о языковом выборе в Монреале примерно того же времени: первый вариант ее был опубликован в 1978 году в материалах 4-й ежегодной конференции Berkeley Linguistic Society, однако и эта статья постоянно цитируется в современных работах по языковому выбору.

Во многих статьях 20–30-летней давности можно встретить в сжатом виде формулировки идей, которые впоследствии были развернуты в полноценные теории. В качестве примера можно привести цитату из статьи Шаны Поплак 1980 года: «Мнение, что переключение кодов является отклонением от какой-то двуязычной „нормы“, достаточно широко распространено в образованных слоях и сегодня... Мы же утверждаем здесь, что *переключение кодов является само по себе нормой в определенных речевых ситуациях, которые существуют в устойчивых двуязычных сообществах*». В другом месте: «... сегменты имеют примерно одинаковую вероятность быть переключенными как на испанский, так и на английский, что является дополнительным доказательством того, что *в основе режима переключения кодов лежит единая грамматика*». И еще: «... *переключение кодов есть, на самом деле, режим речи, отличный от речи по-английски и речи по-испански, который при этом состоит из элементов обоих языков, накладывающихся друг на друга*» (везде курсив мой. — Н. В.). Эти идеи, для своего времени революционные, и сделали небольшую статью Поплак классикой: на них опираются и включенные в Хрестоматию статьи Питера Ауэра, и не включенные в нее работы Франсуа Грожана, и многие другие исследования.

Еще более ранняя работа — статья Брауна и Форда (1964 год! — практически современница американской социалингвистики) — включена в Хрестоматию, поскольку по этому тексту прекрасно видно, как социалингвистика «на наших глазах» рождается из социальной психологии. Термины и методики

в этой статье полностью социально-психологические, но объект приложения уже другой: речевые употребления в социальных группах.

Отдельного упоминания заслуживают три текста, завершающие данный том: это работы о так называемом тоталитарном языке. Первая — глава из докторской диссертации (1985) известного швейцарского лингвиста Патрика Серио, посвященной советскому политическому языку. За ней следует глава из книги (1987) французской исследовательницы Франсуазы Том на ту же тему. Завершают раздел две главы из монографии (1992) британского исследователя Джона Янга, в которой автор сопоставляет новояз (Newspeak), придуманный Джорджем Оруэллом, и его реальные инкарнации: официальный язык нацистской Германии и официальный язык Советского Союза. Более поздние исследования тоталитарного («советского») языка и дискурса базируются прежде всего на этих работах; см. замечательную книгу Алексея Юрчака (Юрчак 2014), прежде всего — главы 1 и 2.

Нет смысла писать краткие резюме всех публикуемых здесь статей: в *Содержании* они разбиты тематически и расположены в том порядке, в каком их рекомендуется читать.

Поскольку во многих статьях Хрестоматии используются количественные методы анализа (и соответствующая терминология), в конце книги помещено *Приложение*, содержащее пояснение основных терминов и методов математической статистики. Его нельзя рассматривать как самостоятельный учебник статистических методов, но оно может, как представляется, послужить полезным справочником для тех, кто не имеет соответствующего образования: для пользования *Приложением* достаточно знаний математики в объеме программы средней школы.

Литература

- Вахтин, Головки 2004*: Вахтин Н. Б., Головки Е. В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: Гуманитарная академия: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004.
- Социоллингвистика 2012*: Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
- Юрчак 2014*: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО. 2014.

Тён А. ван Дейк

ПРИНЦИПЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА¹

1. Введение

В данной статье рассматриваются некоторые принципы, цели и критерии «критического» анализа дискурса (*critical discourse analysis*, далее *КАД*). В ней мы попытаемся ответить на такие (критические) вопросы, как «Что из себя представляет критический анализ дискурса?», «Чем он отличается от других типов анализа дискурса?», «Каковы его цели, специфические методы и, что особенно важно, теоретические основы?». Кроме того, в статье обсуждается необходимость рассмотрения, на самом практическом уровне, того, как следует проводить «критический» анализ текста и устной речи.

В целом ответы на эти вопросы предполагают изучение отношений между дискурсом, властью, доминированием, социальным неравенством и позицией исследователя дискурса в сети этих социальных отношений. Поскольку это комплексное, мультидисциплинарное — и до сих пор недостаточно развитое — направление исследований, которое можно назвать «социополитический анализ дискурса», здесь будут рассмотрены лишь самые важные аспекты этого направления.

В изучении и критике социального неравенства существует множество направлений, но наш подход к этим вопросам состоит в фокусировании на *роли дискурса в (вос)производстве доминирования и возможности противостояния ему*. Доминирование в данном случае определяется как применение социальной власти элитами, институтами или группами, результатом которого является социальное неравенство, включая политическое, культурное, классовое, расовое и гендерное неравенство. Этот процесс воспроизводства может включать такие разные «виды» дискурса, как, среди прочего, использование властных отношений для более или менее прямой или открытой поддержки, реализации, репрезентации, легитимации, отрицания, смягчения или сокрытия доминирования. Если конкретнее, то исследователь,

¹ Перевод сделан по изданию: *Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4, N 2. P. 249–283. Перевод публикуется с разрешения © SAGE Publications 1993.*

занимающийся критическим анализом дискурса, стремится понять, какие структуры, стратегии или другие свойства текстов, диалогов, вербального взаимодействия или коммуникативных событий играют роль в этих видах воспроизводства.

Данная статья ориентирована несколько иначе: для нас больший интерес представляют отношения доминирования, направленные «сверху вниз», нежели сопротивление или принятие доминирования, направленные «снизу вверх». Это не означает, что мы рассматриваем власть и доминирование просто как одностороннее «навязывание» чего-то другим. Напротив, во многих ситуациях, и иногда парадоксальным образом, власть и даже злоупотребление властью могут казаться результатом «совместного воспроизводства», т. е. подчиненные группы каким-то способом удается убедить, что доминирование является «естественным» или законным. Таким образом, хотя анализ стратегий сопротивления и противостояния важен для понимания того, как действуют в обществе отношения власти и доминирования, и хотя подобный анализ необходимо включать в более широкую теорию власти, контрвласти и дискурса, наш критический подход будет сосредоточен на элитах и их дискурсивных стратегиях, направленных на поддержание неравенства.

С точки зрения социально-политического и дискурс-анализа привлекательным кажется более или менее прямое изучение отношений между дискурсивными структурами и структурами власти. Часто это оказывается эффективным и адекватным подходом. Например, мы можем предположить, что директивные речевые акты, такие как команды и приказания, могут использоваться для применения власти, а следовательно, для демонстрации и воспроизводства доминирования. Сходным образом, мы можем изучать стиль, риторику или значение текста, выделяя стратегии, направленные на сокрытие отношений социальной власти, например за счет «подыгрывания» нижестоящему, когда в тексте преуменьшается или затушевывается роль того, кто в представленных в тексте событиях является властным социальным актором.

Однако сами отношения и условия их воспроизводства значительно сложнее. Социальное неравенство, например на уровне общества, далеко не всегда воспроизводится в таких индивидуальных (речевых) актах, как команды. Это очевидно, если посмотреть на команды, которые уместны и «законны» в более или менее «принятых» как властные повседневных отношениях, таких как отношения между родителями и детьми, начальниками и подчиненными, полицейскими и простыми гражданами. Следовательно, для того чтобы подобные дискурсивные свойства участвовали в воспроизводстве доминирования, необходимо выполнение определенных социальных условий. То же справедливо и для любых

других свойств текстов и устной речи, и, следовательно, для всех текстуально-контекстуальных отношений. Очевидно, что проблемными вопросами в доминировании являются условия легитимности и приемлемости, включая то, что обычно называют «злоупотреблением» властью, и особенно возможные негативные эффекты применения власти, а именно социальное неравенство.

Другой серьезной стоящей перед нами проблемой является тот факт, что типичные макропонятия, такие как группа или институциональная власть и доминирование, а также социальное неравенство, не связаны напрямую с типичными микропонятиями, такими как текст, диалог или коммуникативное взаимодействие. Это означает, что мы имеем дело не только с широко известной в социологии проблемой отношений между микро- и макроуровнями, но и (что, возможно, еще интереснее) с отношениями между обществом, дискурсом и социальным сознанием. Действительно, ведь для того чтобы связать между собой дискурс и общество, а следовательно, и дискурс и воспроизводство доминирования и неравенства, необходимо в деталях изучить роль социальных репрезентаций в умах социальных акторов. Говоря конкретнее, мы рассчитываем показать, что социальное сознание является необходимым теоретическим (и эмпирическим) «интерфейсом», возможно, даже тем самым «недостающим звеном» между дискурсом и доминированием. С нашей точки зрения, игнорирование социального сознания было одним из важнейших теоретических недостатков большинства работ в области критического лингвистического и дискурс-анализа.

В данной статье не рассматривается история и развитие критической перспективы в изучении языка, дискурса и коммуникации. Не приводится здесь и полная библиография подобных работ. В зависимости от соответствующей дисциплины, ориентации, школы или парадигмы эта традиция восходит если не — как обычно — к Аристотелю, то, по крайней мере, к философам эпохи Просвещения или, естественно, к Марксу, а из более поздних направлений — к членам Франкфуртской школы (Адорно, Бенджамин и другие) и их непосредственным или опосредованным наследникам до и после 1960-х годов, среди которых важнейшую роль сыграл Юрген Хабермас (Jay 1973; Slater 1977; Geuss 1981). Еще одна линия влияния и развития, тоже более или менее (нео)марксистская, восходит к Грамши и его последователям во Франции и Великобритании, включая наиболее известного из них Стюарта Холла и других членов Центра современных культуральных исследований (Hall 1981; Corcoran 1989). Также, сначала во Франции, а потом и в Великобритании и США, мы можем проследить, среди прочих, влияние работ Альтюссера (Althusser 1971), Фуко (см., например: Foucault 1980) и Пеше (Pêcheux 1982). Наконец, нельзя не

подчеркнуть важнейшую роль в критическом подходе к языку и коммуникации феминистских исследований (библиографию см.: Thorne et al. 1983).

Большинство из этих работ, хотя и имеют дело с «языком», «текстом» или «дискурсом» с разных точек зрения (обычно так или иначе связанных с философией), не рассматривают в эксплицитном и систематическом виде дискурсивные структуры. Только когда за критику языка взялись лингвисты и семиотики, прежде всего в Великобритании и Австралии, появился результат в области изучения другой стороны этих отношений, а именно детального анализа структур текста и образов, даже если соответствующие лингвистические и семиотические подходы не ставили своей целью сложный социополитический анализ (Fowler et al. 1979; Kress, Hodge 1979; Chilton ed. 1985; Hodge, Kress 1988; Fairclough 1989). В несколько иной теоретической перспективе тот же критический подход характеризует многие работы немецких и австрийских социолингвистов разных направлений, например по изучению коммуникации с рабочими-иммигрантами, языковых барьеров, фашизма и антисемитизма (Dittmar, Schlobinski eds. 1985; Wodak 1985; Wodak et al. 1987, 1989, 1990; Ehlich ed. 1989; Wodak ed. 1989; Wodak, Menz 1990), часть из которых восходит к критической социолингвистической парадигме Бернштейна (Bernstein 1971–1975).

Таким образом, наша основная цель, хотя и вряд ли достижимая в рамках одной статьи, — внести вклад в разработку теоретической, дескриптивной, эмпирической и критической рамки исследований, в которой были бы тесно интегрированы и представлены на глубоком уровне и дискурсивный, и социополитический анализ.

2. Принципы и цели критического анализа дискурса

Для ответа на поставленный выше вопрос о целях и специфической природе *КАД* необходимо тщательное изучение того места, которое дискурс-анализ занимает в современной науке и обществе. Такое изучение должно, помимо прочего, установить критерии, характеризующие работу в сфере *КАД*. Вместо всего этого мы здесь просто и, возможно, несколько наивно суммируем эти критерии следующим образом: по нашему мнению, *КАД* должен быть ориентирован прежде всего на дискурсивные измерения негативного использования власти и проистекающих из этого несправедливости и неравенства. Позволим себе очертить некоторые следствия из этой благородной цели (см. также: O'Barн 1984; Mey 1985; Steiner 1985).

Во-первых, акцент на доминировании и неравенстве предполагает, что, в отличие от других сфер или подходов к анализу дискурса, *КАД* не нацелен на то, чтобы внести вклад в какую-то конкретную дисциплину,

парадигму, школу или теорию дискурса. Движущей силой для него выступают прежде всего социальные проблемы, которые предполагается лучше понять при помощи дискурс-анализа. Теории, описания, методы и эмпирическая работа выбираются или разрабатываются в зависимости от их релевантности для решения некоторой социополитической задачи. Поскольку серьезные социальные проблемы имеют сложную природу, это обычно означает мультидисциплинарный подход, в котором менее значимым становятся различия между теорией, описанием и «применением». Ориентация на глубокое понимание социальных проблем, таких как доминирование и неравенство, не означает игнорирования теоретических вопросов. Наоборот, без помощи комплексных и весьма сложных теорий такое понимание просто невозможно. Центральной в этой теоретической проблематике является анализ сложных взаимоотношений между доминированием и дискурсом.

В отличие от других ученых, работающих с дискурсом, специалисты по *КАД* занимают (должны занимать) четкую социополитическую позицию: они прямо высказывают свою точку зрения, интересы, принципы и цели как в рамках своей научной дисциплины, так и общества в целом. Их работа, пусть и не на всех стадиях формулирования теории и анализа, является явно и прежде всего политической. Они надеются, хотя и не всегда обоснованно, как-то изменить ситуацию при помощи критического ее понимания. В центре их интересов, когда это возможно, находятся те, кто больше всего страдает от доминирования и неравенства. Объектом критики же выступают обладающие властью элиты, которые реализуют, поддерживают, легитимируют, допускают или игнорируют социальное неравенство и несправедливость. То есть одним из критериев их работы является солидарность с теми, кто больше всего в этом нуждается. Их проблемы — это «реальные» проблемы, т. е. серьезные проблемы, угрожающие жизни или благополучию многих, а не мелкие дисциплинарные проблемы описания дискурсивных структур, не говоря уже о проблемах власть имущих (включая «проблемы», которые у них возникают с менее могущественными группами или с теми, кто сопротивляется их власти). Критика дискурса предполагает политическую критику тех, кто несет ответственность за его искажение, ведущее к воспроизводству доминирования и неравенства. Подобная критика должна быть не случайной, индивидуальной или эпизодической, а общей, структурной и направленной на группы и отношения власти между ними. В этом смысле специалисты по *КАД* должны быть и социологами, и политологами, а также социальными критиками и активистами. Иными словами, *КАД* откровенно нормативен: любая критика по определению предполагает прикладную этику.

Однако, в отличие от политиков и активистов, специалисты по *КАД* выходят за пределы насущных, жизненно важных проблем. Структурность их подхода предполагает более общий взгляд и в некоторых случаях непрямой и длительный анализ фундаментальных причин, условий и следствий подобных вопросов. И, в отличие от большинства социологов и политологов, эти ученые заинтересованы прежде всего в проникновении в суть важнейшей роли дискурса в воспроизводстве доминирования и неравенства.

Критический анализ дискурса — дело нелегкое. С моей точки зрения, это, безусловно, серьезнейший вызов для ученого, от которого, как указывалось выше, требуется истинная мультидисциплинарность подхода и проникновение в сложные отношения между текстом, речью, социальным сознанием, властью, обществом и культурой. Критерии адекватности здесь не ограничиваются умением нечто наблюдать, описывать или даже объяснять (Fairclough 1985). В конечном счете успех *КАД* измеряется его эффективностью и релевантностью, т. е. его вкладом в изменения. В этом отношении не стоит обольщаться: академический вклад в процесс изменений может быть очень скромным по сравнению с деятельностью непосредственно вовлеченных агентов изменения и их актов сопротивления. Это стало очевидным на примерах таких масштабных процессов, как классовая борьба, деколонизация, движение за гражданские права и женское движение. Однако, даже будучи маргинальным, академический подход все-таки внес свою лепту в эти движения. Специалисты по *КАД* продолжают эту традицию: в 1990-е годы проблемы угнетения, несправедливости и неравенства по-прежнему актуальны и требуют пристального внимания.

Эти цели, критерии и ориентация *КАД* определяют характер научной работы. Они контролируют разработку теории, аналитического метода и процедур эмпирического исследования. Они влияют на выбор тем и их значимость. Таким образом, если в обществе иммигранты, беженцы и другие меньшинства страдают от предвзятого к ним отношения, а женщины продолжают занимать подчиненное положение и становятся жертвами мужского доминирования, насилия и сексуального преследования, эти проблемы и их последствия должны изучаться с учетом их точки зрения. То есть ситуация будет характеризоваться как «расизм» или «сексизм», если так утверждают компетентные представители темнокожего населения или женщины, несмотря на отрицание со стороны белого или мужского населения. Позиция ученых, критически анализирующих дискурс, не может быть отстраненной или тем более «нейтральной». Специалистов по *КАД* не должны беспокоить интересы и взгляды тех, кто наделен властью, у кого и так достаточно способов для защиты

собственных интересов. Большинство белых ученых/ученых-мужчин демонстрируют недоверие и даже презрение к подобной пристрастности и тем самым демонстрируют, насколько пристрастны они сами, игнорируя, преуменьшая, исключая или отрицая неравенство. Они клеймят смешение науки с «политикой», сами занимаясь как раз этим. Некоторые из них, действуя еще более прямо и цинично, вступают в сговор с доминирующими группами, например обеспечивая «экспертную» оценку, поддержку и легитимацию (западных, белых, гетеросексуальных, принадлежащих к среднему классу, и т. д.) правящих элит. И именно этот сговор и является одной из основных тем в критическом анализе дискурса.

Многое из этого уже не раз говорилось, в разных стилях и формулировках, как внутри, так и вне научного сообщества. Однако в рамках данной статьи и данного выпуска журнала не будет лишним еще раз повторить эти положения, которые для кого-то прозвучат тривиально, для кого-то «ненаучно», а для нас являются базовыми принципами. Необходимо, таким образом, лишь сделать из них правильные выводы для осмысленного критического исследования.

3. Власть и доминирование

Ключевой предпосылкой для критического анализа дискурса является понимание природы социальной власти и доминирования. Высказав эту мысль, мы можем начать размышлять о том, какой вклад вносит дискурс в их воспроизводство. Не приводя полностью весь долгий путь философского и социологического научного анализа, просто предположим, что здесь мы имеем дело со свойствами отношений между социальными группами. Иными словами, фокусируясь на *социальной* власти, мы оставляем в стороне власть индивидуумов, если она не является индивидуальной реализацией власти группы, т. е. индивидуумы не выступают как члены группы. Социальная власть основывается на привилегии *доступа* к социально ценным ресурсам, таким как богатство, доход, позиция в обществе, статус, сила, членство в группе, образование или знание. В дальнейшем мы увидим, что важным властным ресурсом является также особый доступ к различным жанрам, формам или контекстам дискурса и коммуникации (подробнее о понятии власти см., например: Lukes ed. 1986; Clegg 1989).

Власть предполагает *контроль* одной группы (членов группы) над другой (ее членами). Этот контроль может иметь отношение к *действию* и *сознанию*: обладающая властью группа может ограничить свободу действий других, но может также влиять на их мышление. Помимо